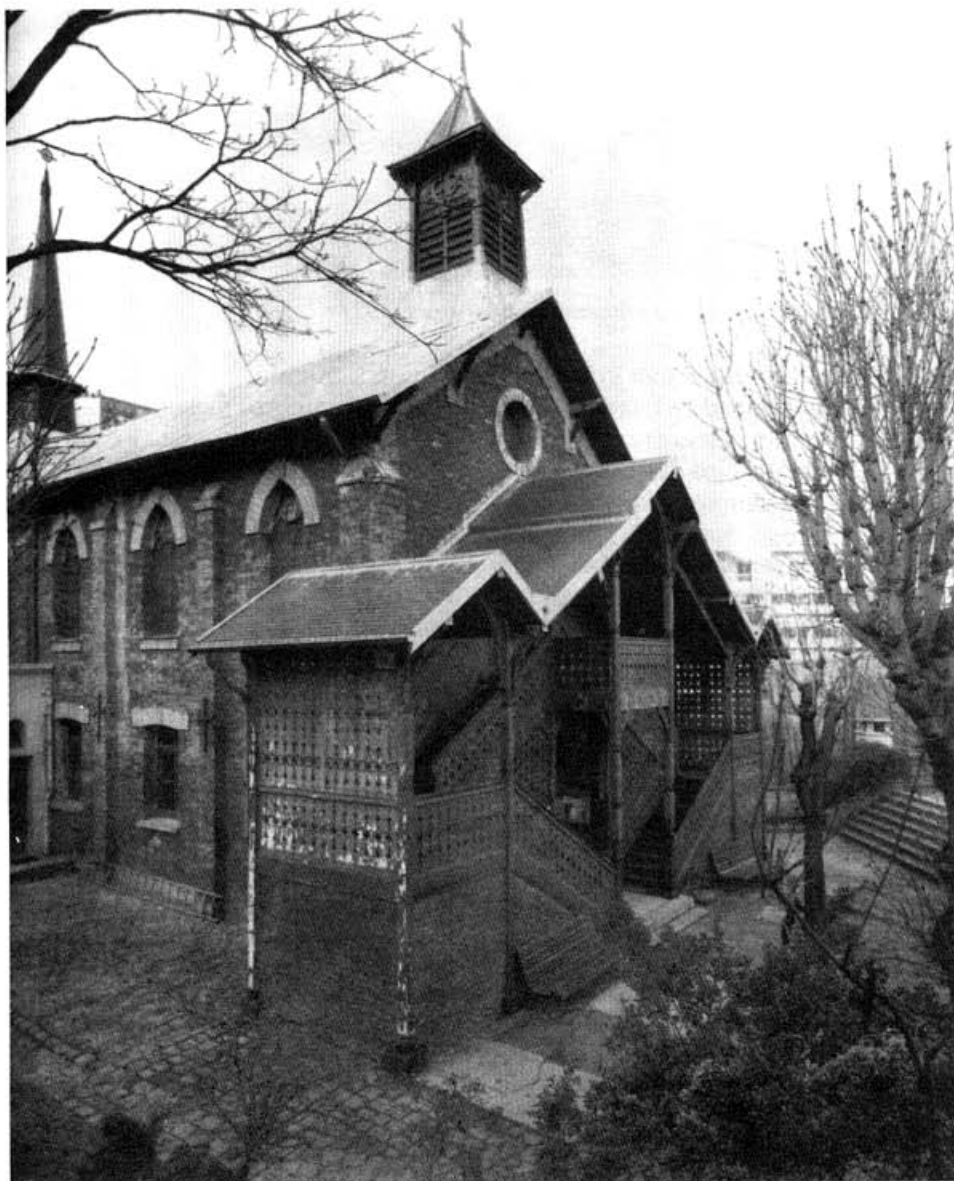

Пути парижского богословия

СВЯТО-СЕРГИЕВСКИЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В начале 20-х годов перед митрополитом Евлогием (Георгиевским), управлявшим по назначению Святейшего Патриарха Тихона православными приходами русской эмиграции в Западной Европе, встал вопрос о необходимости открыть дополнительный приход в Париже. Действительно, единственный русский православный храм в Париже — в честь святого Александра Невского — не вмещал всех молящихся. Кроме того, митрополит Евлогий был далеко не удовлетворен его приходской деятельностью. По словам владыки, как приходской Совет, так и приходское Собрание, превращались в «базар», «улицу», «болтовню о дрязгах, кляузах», «борьбу мелких самолюбий». Свяzano это было, вероятно, с тем, что в собор часто приходили не столько помолиться, сколько, что называется, на людей посмотреть и себя показать. Митрополит Евлогий надеялся, что в новом приходе создастся очаг более деятельной церковно-приходской жизни¹.

18 июля 1924 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, на северо-востоке Парижа была приобретена территория будущего Свято-Сергиевского подворья. Усилиями организованного при нем приходского совета немецкая кирха,

¹ *Евлогий, митр.* Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 409, 439.

Митрополит Евлогий с преподавателями и студентами института. 1931 г.

стоящая на купленной территории, была отремонтирована и приняла вид, более напоминающий православный храм. Освящение престола, посвященного преподобному Сергию, было совершено 1 марта 1925 года.

В первый же год существования подворья при нем образовался Богословский институт. Мысль о создании богословской школы в эмиграции возникла еще в 1922 году на съезде Всемирного Христианского Студенческого Союза, в среде деятелей Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД): Л.А.Зандера, А.Никитина и Л.Н.Липеровского. Проект нашел поддержку в профессорско-преподавательских кругах русского рассеяния. Митрополит Антоний (Храповицкий), Н.Н.Глубоковский, Н.П.Рождественский, А.П.Доброклонский, Н.С.Арсеньев, С.Л.Франк, Б.П.Выше-славцев, Карсавин, С.Н.Булгаков, В.В.Зеньковский, Г.В.Флоровский,

А.В.Карташев — все они поддержали начинания владыки Евлогия. Доктор Дж.Мотт, председатель Всемирного Христианского Студенческого Союза, оказал широкую финансовую помощь этому проекту¹. Впоследствии, на основании этого, близкие к карловацкой группировке круги обвинят митрополита Евлогия в продаже Богословского института маэсонству².

Перед новосозданным учебным заведением стояло несколько целей. Важнейшими из них были «продолжение богословских традиций» дореволюционных Духовных академий, подготовка «кадров богословски образованных людей и пастырей», так как «потребность в образованных священниках чувствовалась в эми-

рации»³. Кроме того, в рассеянии еще считали, что падение советской власти — дело нескольких лет. Поэтому Богословский институт был также призван восполнить пустоту, образовавшуюся после исчезновения богословских школ в России, и подготовить резерв священников, могущих пополнить ряды образованного духовенства после нормализации церковной жизни в России. Наконец, институт должен был нести свидетельство о Православии в западном мире⁴. И если протопресвитер Алексей Князев (Ректор института с 1965 по 1991 год) считал, что Богословский институт имел преимущественной целью развитие церковных наук и осуществление высшего богословского образования, то митрополит Евлогий настаивал на том, что институт призван к воспитанию пастырей для русской право-

¹ А.Князев, *протопресв.* Свято-Сергиевский Институт. Париж, 1974. С. 43.

² Н.Д. Тальберг. К сорокалетию пагубного евлогийского раскола. Джорданвилль, 1966 г.

³ *Евлогий, митр.* Указ. соч. С. 447.

⁴ Там же. С. 447.

славной диаспоры. Так, он с удовлетворением отмечал, что воспитанники института — «лучшие представители духовенства в [его] епархии», и, хотя они часто проявляли «неподготовленность в богословской науке», это не помешало «им быть впоследствии примерными пастырями»¹. Нам представляется, что именно в связи с этой целью, первым инспектором Института, епископом Вениамином (Федченковым), была создана «здоровая духовно-церковная атмосфера с монашеским уклоном, сосредоточенная на литургической жизни»². Хотя развитие русской богословской мысли имело большое значение, важнейшим все же было воспитание пастырей, чему сильно способствовала такая монашеская настроенность.

Сразу после того, как было принято решение открыть при Сергиевском подворье Богословский институт, кандидаты стали собираться со всей диаспоры, так что скоро их набралось около сотни. По вполне понятным финансовым причинам лишь 29 человек были оставлены при институте. 30 апреля 1926 г. в институте был совершен молебен перед началом учения и проведен торжественный акт, на котором профессор Карташев прочитал лекцию на тему: «Критический анализ летописного повествования о миссионерской деятельности святого апостола Андрея Первозванного на Руси». Хотя до начала учебного года оставалось еще несколько месяцев, было решено тут же начать уроки в форме подготовительных лекций. Здесь необходимо отметить отличие от дореволюционной системы, когда в Академии поступали, как правило, выпускники семинарий, а в семинарии — дети духовного сословия. Первые студенты Богословского института представляли собой в этом смысле очень разнородный состав: бывшие кадеты,

выпускники гимназий, политехнических школ и всего несколько бывших академистов и семинаристов. Отсутствие навыков богословского мышления восполнял немалый жизненный опыт, приобретенный в рядах Белой Армии и на чужбине, в лишениях, а также искренняя решимость посвятить себя служению Церкви. Далеко не о каждом дореволюционном семинаристе можно было сказать то же самое. Студенты безропотно подчинялись монашескому строю института, и неслучайно более трети первого выпуска 1928 года составляли монахи.³ Вообще стоит отметить нравственную высоту первых выпускников, которые не только переносили тяготы студенческой жизни в нищенствующем Институте, но и в дальнейшем часто не могли надеяться на лучшую участь, так как нередко шли на приходы, не способные их прокормить и работали на тех же заводах, что и их пасомые. Еще будучи студентами, они участвовали в церковном служении: в «четверговых» (четверг — неучебный день) детских катехизических школах, в детских православных лагерях и кружках молодежных организаций (в частности, в Русском Студенческом Христианском Движении), в подготовке служб на приходах, не имеющих возможности нанять псаломщика. Они также участвовали в популяризации богословской мысли через студенческое братство Преподобного Сергия. Последнее, помимо периодического издания «Сергиевских Листков», в которых публиковались статьи, проповеди и лекции преподавателей института, также издавало чинопоследования Пасхи, Страстной Седмицы и других служб, чтобы верующие могли следить за содержанием этих богослужений.

В отношении студенческого состава необходимо отметить всеправославное значение института. Здесь учились молодые люди не только из среды русской эмиграции, но и из самых разных православных стран мира. Это явление особенно

развилось после войны, когда в институт стали поступать греки, киприоты, ливанцы (из которых трое станут позже митрополитами и основателями баламондской богословской школы), а также финны, немцы и швейцарцы.

Как было отмечено выше, одной из целей деятельности института можно назвать свидетельство о Православии перед Западным миром. Являясь единственной православной школой в Западной Европе, он неминуемо стал глашатаем Православия в старом свете. С самого начала деятельности института его преподавательские кадры участвуют в экуменическом движении. Это участие проявлялось в лекциях, которые богословы института читали в инославных школах. Сотрудничество школ также привело к защите диссертаций преподавателями института в инославных школах, и наоборот. Кроме того, они активно присутствовали на некоторых съездах таких движений, как: «Life and Work» и «Faith and Order»⁴. Примером достижений православных богословов в экуменическом движении является тот факт, что после серии лекций отца Сергия Булгакова протестанты «Faith and Order» согласились войти в дискуссию о мариологическом вопросе, который они до тех пор просто отказывались рассматривать. Иным аспектом экуменической деятельности института явились концерты студенческого хора под управлением М.М.Осоргина и И.К.Денисова. Несомненно, первейшей целью концертов было собирание средств в пользу института, но для множества неправославных зрителей, благодаря объяснениям лектора Л.Зандера и глубоко духовному исполнению, они превращались в истинное свидетельство о православном литургическом опыте.

Этот аспект деятельности института отметил современный богослов, диакон Андрей Кураев: «Православ-

¹ *Евлогий, митр.* Указ. соч. С. 452.

² Выступление протопресвитера Бориса Бобринского на собрании, посвященном памяти митрополита Евлогия. Цит. по: № 8. декабрь 1997 г. «Епархиальный вестник Архиепископии». Ср. *Евлогий, митр.* Указ. соч. С. 448.

³ Ср. *А.Князев, протопресв.* Указ. соч. С. 43–45; *Евлогий, митр.* Указ. соч. С. 451–452.

⁴ Слияние этих движений приведет к созданию Всемирного Совета Церквей. Отметим, что в комиссию, стоящую у истоков этого слияния, входили С.Безобразов и Г.Флорский.

ные богословы эмиграции ... дали возможность западным богословам и богословам ощутить духовную подлинность и жизненность православной традиции ... (Они) использовали экуменические трибуны для того, чтобы проповедовать Православие»¹.

Важным этапом жизни института является война 1939–1945 годов.² После начала войны было решено продолжать уроки для семнадцати студентов силами одиннадцати преподавателей. В материальном отношении военные годы были исключительно тяжелыми, так как помимо общего кризиса институт потерял все финансовые пособия, до тех пор получаемые им от разных международных и зарубежных организаций. Институт понес большие человеческие потери: некоторые преподаватели и студенты были арестованы и высланы в концентрационные или трудовые лагеря в Германию, преподавателям Федотову и Афанасьеву пришлось эмигрировать. В середине 1944 года скончался отец Сергей Булгаков. Мы, однако, видим, что богословская деятельность института не только не затухает, но развивается с новой силой. В военное время были написаны известные труды архимандрита Киприана (Керна) «Евхаристия» и отца Василия Зеньковского «История Русской Философии». Великим Постом 1945 года в стенах института состоялась первая в его истории защита докторской диссертации — архимандрит Киприан представлял на соискание докторской степени свою работу на тему: «Антропология Святителя Григория Паламы».

Это развитие академической науки продолжалось и в послевоенные годы, когда были защищены докторские диссертации епископа Кассиана («Водою, Кровью и Духом», 1946 год), отца Н.Афанасьева («Церковь Духа Святого», 1947 год), и В.Зеньковского («История Русской Философии», 1948 год).

¹ Кураев Андрей, диакон. Вызов экуменизма. М., 1998. С. 18–19.

² Франция вступила в войну с Германией в 1939 г.

В послевоенные годы к профессорско-преподавательской корпорации присоединились выпускники института: А.Князев (Ветхий Завет, Еврейский язык — выпуск 1943 года), А.Шмеман (История Церкви — вы-

*Епископ Вениамин (Федченков),
первый инспектор Института*

пуск 1945 года), И.Мейендорф (Византология и Патрология — выпуск 1949 года), Н.Осоргин (Устав — выпуск 1950 года), П.Евдокимов (Нравственное богословие — выпуск 1928 года), Б.Бобринский (Дог-

матическое богословие — выпуск 1949 года). Первая эпоха жизни института завершается именно в эти годы, видевшие кончину старшего поколения преподавателей: после отца С.Булгакова ушли из жизни К.Мочульский (†1948), Г.Федотов (†1951), М.Осоргин (†1951), Б.Вышеславцев (†1954). В 1946 г. скончался ректор и основатель Института митрополит Евлогий (Георгиевский); его преемник — митрополит Владимир (Тихоницкий) — назначил ректором возведенного в сан епископа архимандрита Кассиана (Безобразова). Вскоре (в 1950–1951 годах) институт лишился и величайшего богослова — отца Г.Флоровского, переехавшего вместе с отцами А.Шмеманом и И.Мейендорфом в США, где они начали преподавать в Свято-Владимирской семинарии.

Таким образом, мы уже не видим изначального разнообразия богословских течений: выпускники института представляли собой более однородный состав, чем тот, который был собран в стенах института при его основании.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Преподавательский состав Института изначальным образом был достаточно пестрым. Здесь сотрудничали как выходцы из Духовных академий, так и выпускники университетов. Представителями академического сословия были епископ Вениамин (Литургия, Гомилетика и Пастырское богословие), А.В.Карташев (История Церкви, Ветхий Завет и Еврейский язык) и М.М.Осоргин (Устав). Преподаватели, вышедшие из университетских кругов, были многочисленнее: С.Н.Булгаков (Догматическое богословие), Г.В.Флоровский (Патрология), Г.П.Федотов (Агиология и История западных церквей), Л.А.Зандер (Логика и Сравнительное богословие), Н.Н.Афанасьев (Каноническое право), В.Н.Ильин (Литургия и Философия), Б.П.Вышеславцев (Нравственное богословие), В.В.Зеньковский (Философия, Психология, Педагогика и Апологетика), С.С.Безобразов (Новый Завет).

Университетский состав преподавательской корпорации, а также свобода от какого-либо государственного давления повлекли за собой два аспекта деятельности института. С одной стороны, преподаватели института не были связаны путями академического, официального богословия; кроме того, они почти всегда специализировались по нескольким предметам. Благодаря этому они смогли продвинуть богословскую науку в новых направлениях, поставить перед ней ряд новых вопросов, снабдить ее новой методологией. С другой стороны, некоторый разрыв с традиционной богословской школой повлек за собой направление, которое отец А.Князев условно называет «либеральным»¹. Богословы данного направления «задавали себе вопрос, поставили ли Отцы Церкви, будучи при этом, несомненно, свидетелями Православия, все вопросы, и решили ли они все трудности. Исходя из Отцов, они считали необходимым идти дальше, принимая во внимание проблематику и концептуальное наследие, проистекающие из развития философии со времен Отцов». Это направление коренится в школе русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. Несомненно, похвально желание попытаться дать ответ на вопросы, поставленные перед богословием современностью, например, на целый ряд экклезиологических вопросов (о положении диаспоры, о роли мирян и так далее). Тем не менее, мы все же можем указать на опасность богословских исканий, уходящих чрезмерно далеко от святоотеческого наследия. Примером таковых можно считать софиологию отца С.Булгакова². Разбор этого учения превосходит и объем данного труда, и способности автора. Можно лишь указать на обширную полемику, связанную с вышеуказанным учением. Опасность,

по нашему мнению, более всего в том, чтоб «исходя от Отцов» и «идя дальше Отцов», не отойти от духа и учения Отцов. Подобное предостережение отцу С.Булгакову высказывал и митрополит Евлогий³, который при этом всегда защищал свободу богословских исканий преподавателей института. Нельзя забывать и о том, что, как пишет отец А.Князев, богословы указанного направления, и особенно отец С.Булгаков, сумели перенять святоотеческую целостность молитвы и богословия, искание богомыслия в Евхаристическом служении. Именно со времен отца С.Булгакова Догматическое богословие перестало быть сухой, школьной дисциплиной, но вновь стало живой частью церковной жизни⁴.

Рядом с этим «либеральным» направлением существовала иная точка зрения, сторонники которой стояли за безоговорочное возвращение к святоотеческому наследию. Считаю, что разрыв с отеческой традицией был трагедией русского богословия, они утверждали, что именно творческое раскрытие учения Отцов Церкви, возвращение к их стилю и категориям мысли позволит возродить богословие и произвести творческий синтез, дав ответ на новопоставленные вопросы⁵. Ярчайшим представителем этого течения можно назвать отца Г.Флоровского, о котором когда-то было сказано, что он «самый православный» из современных богословов⁶.

Ярким примером некоторого противостояния обеих тенденций являются книги «Пути русского Богословия» Флоровского и «История русской философии» Зеньковского. Флоровский доказывал, что трагедия русской богословской школы в том, что волей исторических событий она удалась от наследия византийских Отцов. По мнению же Зеньковского, русская религиозная

Профессор
протоиерей Георгий Флоровский

мысль была оплодотворена встречей с религиозной мыслью Запада. Впрочем, сосуществование обоих богословских течений в стенах института, часто вполне мирное, повлекло за собой богатство изучаемой в нем тематики и ответов, данных на различные, остро поставленные вопросы.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОГОСЛОВСКОЙ РАБОТЫ В ИНСТИТУТЕ

Касательно Догматического богословия, почти все было сказано выше, в описании двух богословских направлений, имеющих место в институте. В соответствии со своим «либеральным» направлением отец С.Булгаков († 1944), преподаватель Догматики, поставил себе целью переосмысление «православной доктрины»⁷, построение новой богословской системы, сосредоточенной на понятии о Софии, Премудрости Божией. Здесь мы видим связь с русской религиозной философией конца XIX – начала XX вв. В.Соловьева и П.Флоренского. По мнению отца

¹ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 64–65.

² Хотя очень важно помнить и то, что «множество мыслей [о С.Булгакова] находят свое место в православной богословской мысли» (А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 67).

³ Евлогий, *митр.* Указ. соч. С. 449.

⁴ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 67.

⁵ Там же. С. 64–65.

⁶ П.Евдокимов. *Le Christ dans la pensée russe.* Париж, 1970. Цит по: А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 67.

⁷ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 65.

А.Князева (хотя лишь Л.А.Зандер полностью перенял учение отца С.Булгакова), все преподаватели довоенного поколения были его учениками по духу, по преемству его методологии, его любви к богословию, а также в творческом подходе к множеству вопросов, поставленных современностью в области экклезиологии, мариологии, пневматологии и эсхатологии¹.

В области экзегетики мы вновь встречаем вышеописанную двойственность богословских направлений, но проявляющую себя с меньшей остротой. Реформация XVI века не коснулась Русской Церкви. Поэтому принцип реформаторов «*sola Scriptura*», ставящий под вопрос авторитет Церковного Предания, не нуждался в критике со стороны русских Духовных академий. В эмиграции вопрос стоял иначе: встретившись с Западным миром, русское богословие должно было изучить методы современной библейской критики и определить, в какой мере они применимы в православном богословии. В Свято-Сергиевском Институте Новый Завет преподавал С.С.Безобразов (будущий епископ Кассиан, ректор института с 1947 по 1965 год). Выпускник Петроградского Университета, он был хорошо знаком с критическими методами западной экзегезы. Исключительно одаренный филолог, он не колебался применить в своей экзегетической работе те же филологические и археологические методы и открытия, которыми пользовались западные библеисты. Пересмотрев поставленные западными богословами «синоптическую» и «иоанническую» проблемы, он пришел к выводу, что традиционные датировка и авторская принадлежность Священных книг столь же обоснованы с научной точки зрения, сколько и гипотезы западных экзегетов. Интерес к текстуальной критике проявился в работах: «Христос и первое христианское поколение» и «Водою, Кровью и Духом» (докторская диссертация). Несколько иным был подход преподавателя Ветхого За-

та А.В.Карташева († 1960), выпускника Санкт-Петербургской Академии, ученика профессора В.В.Болотова и гебраиста И.Г.Троицкого. В отличие от владыки Кассиана (Безобразова), его интерес к текстологическому изучению Священного Писания был преимущественно обусловлен желанием оправдать буквой Писания типологическую интерпретацию Отцов. В опубликованной отдельным изданием актовой речи «Ветхозаветная библейская критика» А.В. Карташев пытается богословски обосновать возможность текстуальной и исторической критики Священного Писания.

Священники Иоанн Мейендорф и Александр Шмеман

Патрологию преподавал отец Георгий Флоровский². По свидетельству отца А.Князева³, он был человеком исключительной эрудиции в своей области. При этом он умел вести уроки Патрологии так, что они были живым свидетельством святоотеческого духа и опыта, а не сухим изложением знаний об Отцах и их учении. Именно его труды инициировали развитие патрологии в Свято-

Сергиевском институте и вне его. В частности, можно вспомнить о работах В.Кривошеина (будущего архиепископа), отца Иоанна Мейендорфа, отца Киприана (Керна) и других.

Вслед за митрополитом Антонием (Храповицким)⁴ парижские литургисты В.Н.Ильин, М.М.Осоргин и, с 1937 года, архимандрит Киприан (Керн) развивали мысль о том, что литургическая молитва — это воплощенное богословие, которое дано нам Церковью для постоянной актуализации Откровения. В.Ильин особенно настаивал на символическом и богословском содержании православного богослужения. Со своей стороны М.Осоргин, преподаватель Устава, уставщик Свято-Сергиевского прихода и регент хора, сумел передать студентам свою любовь к уставному богослужению и строгому пению. Любовь отца Киприана к академической науке, соединенная с его живым интересом к разным литургическим традициям⁵, породила в его лекциях и работах синтез исторического и богословского подхода к Литургии.

Как мы отметили выше, А.В.Карташев был учеником профессора В.В.Болотова, и, надо сказать, учеником вполне достойным: все преподавание истории Церкви в институте лежало на нем. Отец А.Князев⁶, один из его студентов, выделяет ряд характерных черт в лекциях Антона Владимировича. Карташев всегда подчеркивал влияние политики на историю Церкви, утверждая, что некоторые вмешательства государства в жизнь Церкви были столь же промыслительные сколь и действия Соборов. Показывая, какое влияние может иметь догматическое содержание (православное или еретическое) народной веры на политическую и культурную жизнь государства, не говоря уже о жизни Церкви, он считал идеалом христианской цивилизации византийскую симфонию, обоснования для которой виделась ему в

¹ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 67–69.

² В середине 50-х годов, после чего он уехал в США, где преподавал в Свято-Владимирской Семинарии.

³ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 72–73.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Отец Киприан много путешествовал по православному Востоку и Балканам.

⁶ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 78–79.

халкидонском догмате. Более всего Карташев интересовался историей Русской Церкви, так как полагал, что именно в ее жизни наиболее конкретным образом встал вопрос о влиянии Церкви на общество.

Кроме упомянутых предметов, можно вспомнить о кафедрах Пастырства, Этики и Культуры, Канонического права. Пастырское богословие преподавал архимандрит Киприан, лично знавший таких пасторологов и пастырей, как митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Гавриил Таврический, отец Алексей Мечев. Этику (Нравственное богословие) вел профессор Вышеславцев († 1954). Подчеркивая, что этика не является морализмом, но ведет человека к спасению, он настаивал на том, что всякое законничество должно быть преодолено, то есть всякий закон призван к тому, чтобы стать лишним, так как исполняющий его должен потерять нужду в нем, изменив внутреннего человека. В какой-то мере можно упрекнуть профессора Вышеславцева в том, что он чрезмерно настаивал на личном аспекте преображения внутреннего человека и недостаточно четко изложил учение об обожении человека на пути к спасению¹. Многие преподаватели института писали на тему культуры, так что в их работах можно найти множество разных мнений в этой области. Все они, однако, сходятся на мысли о том, что Церковь призвана к тому, чтобы вдохновлять и освящать не только внутреннюю жизнь человека, но и все проявления человеческой деятельности. Экклезиологическая тема также проявляется в преподавании канонического права Н.Афанасьевым: в отличие от «православной» схоластики, часто определяющей Церковь как «общество, управляемое канонами», преподаватели института настаивали на определении Церкви как богочеловеческого живого организма — Тела Христова, Храма Духа Святого. В связи с этим каноническое право теряло юридический аспект и переосмысливалось в экклезиологической перспективе.

Епископ Кассиан (Безобразов)

Заключая этот краткий обзор кафедр института, нельзя не вспомнить о трудах Г.П.Федотова († 1951), проложившего путь православной агиологии. Он является одним из первых богословов, которые попытались воспользоваться методами и достижениями западной агиологии применительно к восточной агиографии. Тем самым он настаивал на богословском аспекте личной святости вообще и различных типов святости (мучеников, святителей, преподобных, князей и так далее) в частности. Его подход к агиографии изложен в его труде «Святые Древней Руси» (Париж, 1931).

В заключение можно сказать, что расцвет Института приходится на первую половину двадцатого века, или, вернее, на период до 1970-го года: в 1960-х годах умирают последние представители старого поколения преподавателей — архимандрит Киприан († 1960), А.Карташев († 1960), В.Зеньковский († 1962),

Л.Зандер († 1964), Епископ Кассиан († 1965), отец Н.Афанасьев († 1966) и П.Евдокимов († 1970).

В этот первый период жизни института произошло заметное развитие отечественной богословской мысли, освобожденной от пут схоластики и официальности, и встретившейся с западным миром и его научными методами. В 1970–1990 годах мы уже не видим столь яркого развития богословской науки. Что же касается воспитания пастырей, то уже в 1956 году на Епархиальном Собрании отмечалось, что «из 30 студентов института — 20 иностранцев, но даже среди русских вряд ли все станут священниками»². Данная проблема весьма актуальна и по сей день.

Сергей Тутунов,
4 курс МДС

¹ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 81.

² Хроника жизни Русской Православной Церкви в Западной Европе (периодическое издание). № 29, 1956.